

Из газеты "Гласный суд"

<О романе "Преступление и наказание">

Критика 60-х годов XIX века / Сост., преамбулы и примеч. Л. И. Соболева. -- М., ООО "Издательство Астрель": ООО "Издательства АСТ", 2003. (Библиотека русской критики)

[OCR Бычков М. Н.](#)

Так как всему на свете есть конец, то, на этом основании, и бесконечный, по-видимому, роман Достоевского "Преступление и наказание" -- тоже окончился.

Начало этого романа наделало много шума, в особенности в провинции, где все подобного рода вещи принимаются, от скуки, как-то ближе к сердцу. Главнейшим образом заинтересовала всех не литературная сторона романа, а, так сказать, тенденциозная: вот, мол, студент ведь старуху-то зарезал, следовательно, *тут-тово*, что-нибудь да не даром!¹ А тут, как раз кстати, появилась и известная рецензия в "Современнике", которая, надобно правду сказать, много дала "Русскому вестнику" новых читателей². О новом романе говорили даже шепотом, как о чем-то таком, о чем вслух говорить не следует. Даже уездные барыни и барышни, которых, по-видимому, исключительно только занимали стуколка да рамс³, -- и те пустились толковать о новом романе. С этого именно времени научное слово "анализ" получило право гражданства в провинциальном обществе, которое прежде его совсем не употребляло, -- и новое слово, как видно, пришлось по вкусу. Только, бывало, и слышишь толки: ах, какой глубокий анализ! Удивительный анализ!.. О, да! -- подхватывала другая барыня, у которой и самой уже возбуждилось желание пустить в дело это новое словечко, -- анализ действительно глубокий, но только знаете ли что? -- прибавляла она таинственно, -- говорят, анализ-то потому и вышел очень тонкий, что сочинитель сам был... при этом дама наклонялась к уху своей удивленной слушательницы... Неужели?... Ну да, зарезал, говорят, или что-то вроде этого...

Как бы то ни было, а роман Достоевского, наделавший столько шума и хлопот, окончен, так что теперь самая пора сказать о нем что-нибудь, как о покойнике, оставившем после себя память, если только не придерживаться известной латинской поговорки, по которой про мертвых дозволяется говорить одно хорошее или же просто молчать⁴.

По прочтении "Преступления и наказания" невольно является вопрос: что это такое? Роман это или просто психологическое исследование, изложенное в общедоступной форме? В одном только случае произведение это можно назвать романом, если смотреть на главное действующее лицо, на Раскольникова, как на тип, т. е. как на воплощение какого-нибудь определенного направления, усвоенного обществом, или хотя более или менее значительною частью этого общества. Надобно правду сказать: если даже автор в лице Раскольникова и действительно хотел воссоздать новый тип, -- то попытка эта ему не удалась. У него герой вышел -- просто-напросто сумасшедший человек, или, скорее, белогорячечный, который хотя и поступает как будто сознательно, но, в сущности, действует в бреду, потому что в эти моменты ему представляется все в ином виде. С первого раза действительно кажется, что анализ нравственного состояния преступника до совершения и после совершения убийства произведен автором очень верно, -- но это только так кажется, и притом на первых только порах. У Раскольникова -- все признаки белой горячки; ему только все кажется; действует он совершенно случайно, в бреду. Не уходи дворник из дому и не попадись Раскольникову на глаза топор, -- он, быть может, просто бы побежал вдоль по каналу и бултыхнулся бы с какого-нибудь моста в воду, как это нередко делают белогорячечные. Топор дворника является во всей этой истории более самостоятельным лицом, чем сам Раскольников. Таких господ, как Раскольников, обыкновенно отправляют в больницу, боясь держать на квартире, и -- случись это в действительности -- с ним бы так и поступили; но тогда не явился бы и роман г. Достоевского, в способностях которого к тонкому анализу я сильно сомневаюсь: сочинить, разумеется, все можно; Евгений Сю⁵ и Дюма -- и не такие вещи сочиняли!

Мне кажется, что со времени открытия новых судебных учреждений все эти уголовные повести и романы, которыми так богата наша литература последних годов, -- прекратятся сами собою, потому что несравненно поучительнее читать подлинные процессы, нежели испорченные из них извлечения, подобранные сообразно с извращенными вкусами авторов. Возьмите, например, процесс купеческого сына Мазурина, хладнокровно поливающего, в течение нескольких месяцев, труп убитого им человека ждановской жидкостью для очищения воздуха; преступника, у которого не достало даже соображения и